

В этих строках — две картины: общая и частная. Первая обрамляет вторую — в начале тем, что есть, в конце тем, что будет: тревожным ожиданием Европы, «какой определит ей рок» молодой русский император, и его уже совершившимся полным торжеством.

В начале отрывка поэт говорит, что Европа пока еще совсем не знает, как будет действовать Петр III: будет ли он продолжать войну с Пруссией, или же, наоборот, заключит с нею мир. Сам поэт, кажется, дает понять, что скорее надо ждать последнего — он выражается «обновленного мира», тонко внушая это и самым размещением частей (о возможности заключения мира сказал на втором, последнем месте!) и самую соблазнительную красочностью образов:

«Отрады ради утомленных,
Избавы ради разоренных,
Тобою обновленный мир»

— к тому же образов, морально оправдывающих грядущее заключение мира, дающих ему моральную мотивировку...

Что же касается частной картины, то если уже мотивировка грядущего мира оправдывает и подкупает читателя, то помещаемый сейчас же далее образ «пловца» в его тяжелой беде и «томной» радости должен пробуждать в читателе живое чувство сострадания к несчастному, а упоминание тотчас вслед за тем о Германии — дать определенное политическое направление его чувству и мысли, меж тем как самая характеристика положения Германии, ее военной и государственной слабости, ее готовности не только на мир с могучей Россией, но и на полное политическое ей подчинение, на вхождение в ее политический фарватер, должно окончательно выяснить читателю ценность предстоящего мира: это и требования гуманности и холодный политический расчет...

Итак, и Европа и Россия должны ждать не продолжения войны, а заключения мира, для Пруссии и всей Германии спасительного, для России морально-справедливого и политически выгодного, для Европы, конечно, желанного.

Это и есть то «счастье войны», о котором сказано в самом начале отрывка, что, его «предвидя», ликуют «западные пределы» империи.